

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2310-7227-2015-4-36-45

Михайлов Ю.М.*Тверской государственный технический университет***ФОРМИРОВАНИЕ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ**

Аннотация. Предметом исследования является новый тип информационного общества – сетевое общество. Анализ дискуссии о природе сетевого общества, развернувшейся на рубеже XX–XXI столетий, показал, что она обусловлена ситуацией массового вовлечения населения планеты в глобальную сеть Интернет. Дано определение сетевого общества и обозначены этапы его формирования. Показаны специфические черты современных глобализационных процессов сквозь призму формирования сетевого общества, в частности: необратимость глобализации по мере распространения сетевых коммуникаций; актуализация дилеммы «глобальное – локальное» на фоне роста числа транснациональных организаций; усиление семантической гегемонии массмедиа.

Ключевые слова: сетевое общество, глобализация, информация, технологии, транснациональные организации, массмедиа.

Yu. Mikhailov*Tver State Technical University***NETWORK SOCIETY FORMATION AND GLOBALIZATION**

Abstract. The subject of research is a new kind of information society - the network society. The analysis of the discussion about the nature of the network society unfolded at the turn of the 20th -21st centuries has shown that it is determined by mass involvement of the world population into the global network of the Internet. The definition of the network society and the stages of its formation are given. The specific features of contemporary globalization processes are shown through the prism of the network society formation, in particular: the irreversibility of globalization together with implementing network communications; “global – local” dilemma mainstreaming along with the rising number of transnational organizations; strengthening the semantic hegemony of mass media.

Key words: network society, globalization, information, technologies, transnational organizations, mass media.

Современный тип информационного общества в результате стремительного распространения интернет-коммуникаций начинает приобретать ярко выраженный *сетевой* характер.

Понятие «сетевое общество» уже прочно вошло в семантический арсенал исследователей, занимающихся анализом современной информационной эпохи. И. Пригожин в числе первых заговорил о формировании сетевого типа обще-

ства, в котором социальная структура вынуждена напрямую реагировать на «революционное развитие информационной техники» [12, с. 24]. Интерпретируя становление сетевого общества в его синергетическом диапазоне, учёный обозначил этот процесс как результат качественных перемен, произошедших в момент «прерывности» развития. Качественный переход от одних форм развития к другим фиксируется в точках бифуркации, меняющих прежние представления человека о природе и обществе. Нестабильность системы и нелинейность её развития – это два обязательных условия, способствующих вариативности принятия решений и самоорганизации [12, с. 25]. В контексте такого рода самоорганизации и формируется сетевое общество как нелинейная система, включающая обязательное взаимодействие и взаимовлияние всех социальных форм и отношений. Нелинейность повышается с увеличением размера общества, и бифуркации могут привести к появлению новых исторических систем. В прошлом именно таким образом, по мнению И. Пригожина, бифуркации, связанные с владением и использованием ископаемых источников энергии (уголь и нефть), привели человечество к формированию индустриального общества. Схожую синергетическую направленность демонстрирует и нынешняя ситуация: создание и стремительное распространение информационно-компьютерных технологий стимулируют становление нового типа информационного общества – *сетевое*. И. Пригожин подчёркивает, что никто из исследователей не планировал подобного «взрыва» информации; по сути, новая (сетевая) форма общества

возникла стихийно. Если комплексность – ключевая черта любой структуры, далёкой от равновесия, то в этом смысле сетевое общество следует рассматривать как структуру неравновесную, возникшую в результате революционных процессов в сфере сбора, хранения и использования информации [12, с. 25–26].

Появление Интернета в конце XX столетия, с последующим развитием интернет-технологий, вызвало в западной социальной философии дискуссию о природе формирующегося виртуально-сетевого общества. М. Кастельс впервые обратился к содержательному осмыслению понятия «сетевое общество». Его рассуждения выстраиваются в сравнительном диапазоне экономики индустриального и информационного обществ в их социокультурном контексте. Общество индустриального типа, на взгляд исследователя, базировалось на основе взаимоотношений трёх составляющих – производства, практики и власти. В складывающемся буквально на наших глазах сетевом обществе М. Кастельс улавливает две новые тенденции: *первая* – децентрализация властного воздействия государства на общество, *вторая* – усиление общественной рефлексивности на фоне расширяющейся сети виртуальных предприятий. Деятельность виртуальных предприятий, не привязанных к определённому месту или даже к национальному государству, даёт возможность обществу гибко реагировать на любые информационные вызовы. Перестраиваясь в соответствии со своевременно получаемой и быстро перерабатываемой информацией в режиме on-line, сетевое общество становится,

по сути, саморефлексивной системой [5, с. 37].

Н. Луман отмечает децентричный, сетевой характер развития всех социальных форм современного типа информационного общества и объясняет возможность их самостоятельного изменения путём самореференции [8, с. 167–169]. Общественные системы обладают свойством самореференции, поскольку создающий их субъект мысли и действия, сопричастный многообразию intersubъективных связей, присутствует в мире социальных и культурных реалий, которые зафиксированы через совокупность знаково-символических форм. Самореференция предполагает не только фиксацию реалий мира, но и выражение рефлексивного отношения к ним субъектов, результирующих в понимании и интерпретации.

Сегодня большинство исследователей пытаются осмыслить сетевое общество сквозь призму организующего потенциала глобальной сети. Так, Г. Бехманн фиксирует наступление эпохи компьютеризированной коммуникации, поэтому прямо обозначает сетевое общество как общество, социальная структура которого выстраивается в связи с информационными сетями и структурированными в Интернете микроэлектронными информационными технологиями. Интернет рассматривается им не только как новый тип технологий, но и как ключевое средство коммуникации современного общества. «Интернет перерабатывает виртуальность и перестраивает нашу реальность, где и возникает «сетевое общество», – пишет Г. Бехманн [2, с. 131–132]. У. Митчелл идёт ещё дальше и связывает наступление эры сетевого общества с

появлением беспроводных коммуникаций [9, с. 19].

При всей широте характеристик большинство исследователей солидаризируются во мнении, что сетевое общество базируется на трёх основных «китах» – науке, производстве и коммерции [11; 14, с. 24–41]. Приходит понимание того, что сегодня мы живём в обществе, где важным ресурсом жизнедеятельности индивида и сообщества становится не просто информация, а *оцифрованная информация*, т.е. знания, организованные для использования в информационных сетях.

Разработчики концепций сетевого общества как нового типа социальной организации признают его главным критерием рост числа информационных технологий и беспрецедентное увеличение количества информации, циркулирующей в обществе. Несмотря на то, что большинство исследований пока ограничиваются критериями социологического или технологического характера, становится очевидным, что осмысление природы формирования сетевого общества актуализирует и целый ряд философских вопросов [3]. *Как сетевое общество может повлиять на взаимоотношения человека и природы, на межличностные коммуникации? Какова угроза снижения рефлексивного и творческого потенциала человека? Кто получит выгоды от сетевого общества? Будет ли сокращаться разрыв в богатстве между странами?* Эти и другие серьёзные вопросы только на первый взгляд выглядят как абстрактно-теоретические, на самом деле они стимулируют к размышлению и действию.

Формирование сетевого общества сопряжено с процессом глобализации. Сам термин «глобализация», введён-

ный в научный оборот ещё в 1981 г. Дж. Маклинном, имеет в настоящее время широкую интерпретацию. Семантическим корнем здесь служит понятие «глобальное». В исследовательской среде фиксируется узкий и широкий диапазон применения этого термина. Например, если для М. Кастельса «глобальное» – это собирательный образ ключевых видов экономической деятельности, разворачивающейся на основе компьютерных сетей и поддерживаемой информационными технологиями, то для У. Бека это уже многообразие взаимных переплетений экономического, культурного, политического, военного и экологического характера [1, с. 25–27].

Глобализация сегодня приобретает специфические черты сквозь призму формирования сетевого общества. Из их многообразия выделим три, на наш взгляд, самых очевидных: 1) необратимость глобализации по мере распространения сетевых коммуникаций в жизни отдельного человека и общества в целом; 2) актуализация дилеммы «глобальное – локальное» на фоне роста числа транснациональных предприятий и транснациональных сообществ; 3) усиление семантической гегемонии массмедиа.

Глобализация и сетевые коммуникации

Процесс глобализации получил значительный толчок в своём развитии благодаря современным средствам коммуникации и передвижения. Теперь мы способны получать информацию о событии, практически одновременно с моментом самого события, можем наблюдать on-line за тем, как

разворачивается это событие, можем самостоятельно выявлять причинно-следственные связи и давать оценку происходящему. Благодаря беспроводным средствам коммуникации и сетевым массмедийным ресурсам, само место возникновения события уже не влияет на скорость получения сообщения о нём. Так, на финансовых рынках, объединённых телекоммуникационной сетью, операции, связанные с финансами и ценными бумагами, могут совершаться практически в любой точке земного шара. К открытию московской биржи уже известно, чем закончились торги по продаже валюты и акций в Токио или Гонконге, а когда открывается биржа в Нью-Йорке, уже известно о курсах европейских бирж. Биржевые брокеры могут работать в различных точках мира практически круглые сутки. Более того, всё чаще их работу заменяют специальные компьютерные программы.

Число и плотность взаимосвязей между государствами и организациями постоянно растёт, технологический прорыв в сфере информационных и коммуникационных технологий придаёт новый, качественный скачок глобализации. Можно с уверенностью утверждать, что именно сетевые технологии стали основанием формирования современного типа глобализации. Особенно ярко это иллюстрируется на примере гонки преследования на так называемых «рынках будущего» – в сфере информационных технологий, геномной инженерии и человеческой генетики.

Дилемма «глобальное – локальное»

Дилемма «глобальное – локальное» рельефно актуализируется сегодня

в контексте налоговой политики национальных государств. Усиление влияния на хозяйственную жизнь отдельного государства со стороны транснациональных предприятий и сообществ подрывает один из главных принципов национального государства – его способность самостоятельно распоряжаться налогами. Сложившаяся практика показывает, что транснациональные предприятия часто производят продукцию в одной стране, платят налоги в другой, требуют государственных субсидий в третьей, а высший менеджмент, благодаря развитию современных средств коммуникации, может находиться в любой точке мира, которую сочтёт для себя наиболее удобной.

Ослабление «привязки» к конкретному месту жизни и деятельности человека, усиление социальной мобильности различных слоёв населения также является показателем специфики современных глобализационных процессов. Богатые люди стали обладать большей свободой перемещения по миру, получив возможность использовать в своих коммерческих интересах «пробелы» в налоговом законодательстве отдельных государств. Люди с малыми доходами также демонстрируют свою потребность в перемещении, стремясь переехать туда, где, по их мнению, они смогут получить максимальную цену за свой труд. Новая социальная группа информационного общества, так называемые «знаниевые» работники, т.е. те, кто работают с оцифрованным знанием (регистрируют, передают, хранят и помогают использовать информацию), также оказываются втянутыми в общую тенденцию перемещения труда и

капитала [6; 9; 10; 13]. Располагающие востребованными компетенциями, такие работники стараются использовать свои знания и умения там, где им будет выгоднее жить и работать, без привязки к конкретному месту.

Чтобы выдержать конкурентную борьбу в условиях глобализации, отдельным государствам приходится привлекать не только внутрисударственный капитал, людей и знания, но и использовать потенциал информационных ресурсов транснациональных предприятий. Последние, в своей способности «уходить» от налогообложения в рамках отдельно взятого национального государства, создают предпосылки того, что основное налоговое бремя ложится на малый и средний бизнес, который и без этого получает меньшие прибыли за счёт эффекта масштабов производства. В результате нарастают конфликтные ситуации между «виртуальными» и «реальными» налогоплательщиками. Получается, что те, кто *проигрывают* от глобализации, вынуждены оплачивать все потребности государства, а те, кто *выигрывают*, получают баснословные прибыли и уклоняются от ответственности за судьбы государств, на которых они, по сути, «паразитируют» [1, с. 15–18].

Необратимость глобализации даёт нам понять, что мы уже не живём только в локальных пространствах – в национальных государствах и, соответственно, в национальных обществах. Размывание и стирание границ деятельности в различных сферах хозяйствования, информации, экологии, техники и т.д. – это вызов информационно-сетевому обществу, уже зафиксированный исследователями. Ответы

на такой вызов должны быть взвешены: с одной стороны, надо *приспосабливаться* к «нашествию» глобализации, с другой стороны, надо быстро и позитивно *реагировать* на эти изменения [4]. Крайне противоречивыми, на наш взгляд, являются протесты антиглобалистов, и столь же неуместными видятся попытки некоторых стран «построить стены», в прямом и переносном смысле этого слова (к примеру, негуманно выглядит инициатива правительства Венгрии перекрыть границу с Сербией, чтобы ограничить с её стороны поток беженцев и мигрантов из Афганистана, Ливии и других «неспокойных» регионов) [15].

Формат сетевого общества по-новому ставит вопросы о масштабах и границах глобализации в её трёх ключевых параметрах: в расширении пространства коммуникации; в доминировании событий в режиме on-line; в усиливающейся плотности транснациональных связей, отношений и массмедийных потоков [1, с. 28].

Нельзя не признать того факта, что уже существуют два типа глобальных сообществ. В одном случае речь идёт о группе государств с собственной национальной властью и дипломатией, но при этом объединённых в такие организации, как ВТО, Всемирный банк, НАТО и т.д. В другом случае речь идёт о транснациональных организациях, представленных крупными концернами, осуществляющими свою деятельность во многих странах мира, или о различных социальных, экологических и других движениях (например, «Международный комитет красного креста», «Гринпис» и др.). Практика показывает, что пока сложившиеся два типа глобальных сообществ противо-

поставляют себя друг другу, получая при этом неоднозначный результат. Например, транснациональные корпорации за счёт внедрения автоматизации производства и эффекта масштабов производства, создают всё больше продукции, но это неминуемо ведёт к сокращению количества работников. В результате в высокоразвитых странах нарастает безработица, а минимизация выплат налогов ведёт к подрыву всей инфраструктуры этих стран. Недостаточно средств получает и социальная сфера: снижаются затраты на дорожное строительство, меньше выделяется средств на охрану окружающей среды, уменьшаются затраты на образование и т.д. Получается, что транснациональные компании, пусть и не преднамеренно, но *подрывают* устои национальных государств и «изменяют традиционные правила игры на политической арене» [1, с. 119].

В исследовательской среде артикулируется понятие «мировое общество», которое используется как противопоставление понятию «национальное государство». Так, У. Бек использует этот термин для обозначения глобализованного состояния общества, представленного транснациональными предприятиями и сообществами. Эти структуры способны преодолевать национально-государственные границы и менять традиционные правила общественной политики. «Мировое общество» отличается динамичностью, действие его участников не закреплено национально-локальными пространствами, их число может постоянно изменяться, а возникающие связи между субъектами могут быть многосложными. Налицо ситуация «электронного цемента»: от-

дельные фрагменты жизненного онлайн-мира человека и сообщества становятся всё более взаимосвязанными и унифицированными [9, с. 27–28.].

За последние двадцать лет усиливается конкуренция между национальными государствами и транснациональными организациями. Транснациональные компании могут действовать одновременно во многих странах, и их деятельности выглядят весьма противоречиво. Например, крупный транснациональный концерн может оказать положительное влияние на развитие региона, если создаст новое предприятие или расширит уже действующее за счёт увеличения числа рабочих мест. Тот же самый концерн может стать и усилителем социальной напряжённости, если в силу своих коммерческих интересов решит закрыть своё крупное предприятие, создавая тем самым угрозу безработицы в регионе. Более того, транснациональные участники мирового сообщества способны сталкивать друг с другом целые государства, преследуя свои, определённые интересы. Ярким подтверждением тому являются не прекращающиеся военные конфликты и политическая нестабильность на Ближнем Востоке. Регион, богатый нефтью и газом, с большими объёмами разведанных месторождений, сотрясают войны, перевороты, смены политических режимов и внешние вторжения со стороны развитых стран под предлогом «заботы» о мире. Далеко не последнюю роль в сложившейся ситуации играют транснациональные корпорации, собственникам которых выгодно контролировать рынок углеводородного сырья, поддерживая и организуя «управляемые» конфликты в регионе.

Семантическая гегемония массмедиа

Массмедийные средства коммуникации с их семантическим потенциалом выступают в качестве мощного катализатора глобализационных процессов. Благодаря своим властно-дискурсивным возможностям, они оказываются способными превратить любое событие в любом уголке планеты в информацию «с большой буквы», выдаваемую в режиме «здесь-и-теперь». Вездесущность массмедийных ресурсов превращает их в специфический источник власти, из которого соперничающие структуры черпают свой стратегический запас.

Конечно, нужно понимать, что восприятие удалённых событий, происходящее с помощью массмедиа, выглядит искажённым. Этот феномен уже проанализирован Н. Луманом. Современные средства массовой информации, на его взгляд, дают поразительное разнообразие ролевых моделей и стилей жизни, с которыми их пользователь может сравнить собственную жизнь. Специфика способа передачи массмедийного сообщения предполагает потребление не цельных, а «мозаичных» образов информации через монтаж, раскадровку, опрос и другие способы подачи сообщения.

Массмедийные средства создают эффект «удвоения» реальности. Такая «реальная реальность», по мнению Н. Лумана, имеет специфические свойства: она возникает в результате коммуникаций, протекающих внутри массмедийной системы, но предназначена при этом для внешнего и массового адресата [7, с. 11–12.]. Если не рассматривать техническую сторону циркуля-

ции информации, то результативность коммуникации можно воспринимать двояко: с одной стороны, как самореференцию – «понимание» с точки зрения субъективного «Я», с другой стороны, как «инореференцию» – «наблюдение» за событием и «принятие» его с точки зрения «Другого». Получается, что медийный адресат, стремясь адекватно разобраться в информации, которую в изобилии преподносят ему средства массовой информации, сначала играет роль «наблюдателя» и воспринимает предлагаемые ему факты. Однако практически одновременно он занимает и роль «наблюдателя наблюдателя», в терминологии Н. Лумана, т.е. роль интерпретатора массмедийных сообщений [7, с. 13]. Тем самым, развивается спираль многократно повторяющихся рефлексий референции и самореференции. На основе такого взаимного наблюдения и самонаблюдения постепенно выстраивается «понимание» различий между перспективами восприятия.

Благодаря семантической гегемонии массмедиа, современное сетевое общество становится «обществом зрителей» [1, с. 160]. Всё больше вопросов, ранее закрытых или деполитизированных, подвергаются общественной критике. Всё чаще мы видим, как происходит обсуждение различных инвестиционных проектов, научных программ, вопросов о продуктивности и рисках новейших технологий, а также об опасностях, связанных с военными конфликтами или экологическими катастрофами. Во многом благодаря этому сетевое общество становится самокритичным, готовым к перестройке своего мышления в условиях глобализации представлений, интересов и ценностей [1; 4; 10].

Суммируем в выводах основные положения нашего исследования.

По формату сетевое общество – это новый тип информационного общества, складывающийся под воздействием втягивания субъектов экономики, политики, науки, образования и сферы развлекательного досуга в глобальную сеть социальных виртуальных сообществ. Динамика развития сетевого общества включает два этапа: 1980-е гг. – появление Интернета как принципиально новой (глобальной) технологии связи, 2000-е гг. – появление и распространение беспроводных технологий связи и коммуникаций.

Как сложная система, представляющая собой единую виртуальную инфраструктуру, сетевое общество имеет пластичный, колебательный характер. В стабильном режиме виртуальные организации и сообщества могут удерживать информационные потоки в определённом порядке, а в обострённом режиме – могут «работать» на дезорганизацию системы. В любой точке сетевого общества может произойти «укол» социокультурной среды, вызванный, в одном случае, сознательными действиями субъектов, учитывающих её потенциальные возможности, в другом – случайными комбинациями условий и обстоятельств. С позитивной точки зрения, нестабильность сетевого общества подразумевает децентрализацию и многовариантность путей развития, с негативной – опасность бесконтрольного усиления внезапно сложившихся деструктивных сил.

Формирование сетевого общества, сопряжённого с процессом глобализации, выглядит противоречиво. Среди положительных тенденций следует

отметить следующие: 1) открытость национального государства может способствовать развитию мирового рынка, транснациональных компаний и международных объединений, способных мобильно собирать воедино для решения какой-либо задачи большое число акторов в режиме реального времени; 2) открытость общества может сделать доступным для обозрения и обсуждения многие важные вопросы социального, политического, экологического характера; 3) рост числа транснациональных предприятий и транснациональных сообществ в своей перспективе может привести к осознанию необходимости сотрудничества «поверх» национальных барьеров, но не во вред им, а с учётом суверенных интересов; 4) сетевой характер общества может способствовать созданию и совершенствованию общества образования и знания, в котором индивид будет чувствовать себя квалифицированным и востребованным специалистом в любой точке планеты, а его профессиональные и социальные компетенции будут «работать» на укрепление мирового сообщества во всём многообразии его культурных проявлений.

Сетевая специфика глобализационных процессов высвечивает и ряд проблем, требующих своего осмысления и разрешения. Транснациональные компании, преследуя свои интересы, нередко используют негативную стратегию «силового диктата» или «клубной политики». Такими шагами они создают социальную и политическую напряжённость в локальных регионах. Кроме того, исследователи уже проявляют обеспокоенность тем, что «свободной» информации становится всё меньше и меньше; информация и

знания оказываются во многом зависимыми от массмедийной риторики. Цифровые технологии, приносящие огромную прибыль для их собственников, невольно становятся источником борьбы за контроль в сфере информационных коммуникаций между государствами, организациями и даже отдельными лицами. СМИ, используя весь свой богатый семантический потенциал, оказываются способными организовывать и упорядочивать окружающую их действительность во всём многообразии противоречий и трудностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем.; общ. ред. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / пер. с нем. М.: Логос, 2010. 248 с.
3. Бехманн Г., Горохов В.Г. Социально-философские и экологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 127–136.
4. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Глобальный мир: рефлексивные сценарии трансформации модерности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2012. № 4. С. 7–21.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Леньков С.Л. Психологическая типология профессиональной деятельности информационного характера // Психология и психотехника. 2012. № 4 (43). С. 72–83.
7. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. М.: Праксис, 2005. 254 с.

8. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. М.: Логос, 2004. 232 с.
9. Митчелл У. Я++: Человек, город, сети / пер. с англ. М.: StrelkaPress, 2012. 328 с.
10. Михайлова Е.Е. Особенности коммуникативных компетенций в информационном обществе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2011. № 3–4. С. 4–14.
11. Никитина Е.А., Строганов А.В., Епифанова Г.В. Добровольные распределённые вычисления: проблемы и перспективы // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сб. науч. трудов. Серия: Информация. Наука. Общество / отв. ред. Л.Н. Верченнов. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 328–336.
12. Пригожин И.Р. Сетевое общество // СОЦИС. 2008. № 1. С. 24–27.
13. Рубцова Н.Е. Вариативное психологическое пространство профессионального самоопределения // Вестник Московского университета. Серия 20. Психология. 2012. № 4. С. 34–42.
14. Треугольник сетевого общества: наука, производство, коммерция / под ред. Л.В. Голоскокова. М.: Гос. ун-т Минфина России, 2012. С. 24–41.
15. В Европе появится новая стена. «Спасаемся от беженцев и мигрантов». Венгрия возведёт стену на границе с Сербией для ограничения миграции [Электронный ресурс] // URA.RU (Российское информационное агентство). URL: <http://ura.ru/news/1052212032> (дата обращения: 10.11.2015).